

C.В. САННИКОВ*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ
КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» И ИЗМЕРЕНИЯ
ИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к измерению семантического пространства концепта «власть» в отечественной и западной научной традициях. Концепт «власть» относится к группе «сущностно оспариваемых» (essentially contested) концептов либо к группе концептов, обладающих чертами «семейного сходства» (family resemblance). В качестве ключевого аспекта исследования рассматривается вопрос о корреляции соответствующих единиц концептуального и языкового пространств.

Ключевые слова: образ власти; политическая семиотика; социальная семиотика; потестарная имагология.

Для цитирования: Санников С.В. Методологические аспекты типологии лексических репрезентантов концепта «власть» и измерения их семантического пространства // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 63–75. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.03>

В настоящей статье рассматривается проблема эквивалентности понятий национального политического лексикона, на которую профессор М.В. Ильин обратил внимание в своем исследова-

* Санников Сергей Викторович, кандидат исторических наук, начальник управления международных связей администрации губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области; научный сотрудник Лаборатории семиотики и знаковых систем Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: sannikov_s@ngs.ru

нии «Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий» [Ильин, 1997]. Цель исследования состоит в том, чтобы определить и проанализировать лексический ряд репрезентантов концепта «власть» на материале русскоязычных и англоязычных текстов и обозначить существующие подходы к типологии и измерению их семантического пространства.

Принимая во внимание, что для российской науки концептуология власти является относительно новым направлением (которому на настоящий момент немногим более 20 лет), в силу объективных причин формировавшимся под влиянием американской и европейской традиций, исследование представляется целесообразным начать с рассмотрения хронологически наиболее ранних западных работ, посвященных данной тематике, что даст возможность последовательно проследить формирование теоретических предпосылок существующих в настоящее время методологических подходов.

Начало формирования современных подходов к изучению и типологии лексических репрезентантов концепта «власть» можно отнести примерно к 1930-м годам. Так, в работе Г. Голдхамера и Э. Шилса «Типы власти и статуса» [Goldhamer, Shils, 1939] были выделены такие формы осуществления власти (*power*), как «сила» (*force*), «господство» (*domination*) и «манипуляция» (*manipulation*): «Лицо, наделенное властью (*power-holder*), использует силу (*exercises force*), когда влияет на поведение путем физического воздействия на подчиненного индивида (нападение, лишение свободы и т.д.); господство (*domination*), когда лицо явным образом выражает, что должны сделать окружающие (команда, требование и т.д.); и манипуляцию (*manipulation*), когда лицо влияет на поведение окружающих, не выражая явным образом свое намерение относительно их поведения» [Ibid., p. 171–172]. В работе, таким образом, представлена попытка интерпретации семантического поля концепта «*power*» как гипонимического, в рамках которого выделяются общий гипероним «власть» (*power*) и ряд лексем-гипонимов, таких как «сила» (*force*), «господство» (*domination*), «манипуляция» (*manipulation*), выражающих частную сущность по отношению к более общему понятию, доминанте «власть» (*power*).

Несколько иной подход был представлен в работе Р. Даля «Концепт власти» [Dahl, 1957], в которой автор отмечал, что «без сомнения, будет легко продемонстрировать, как слово (“власть”. – С. С.)

и его *синонимы* (курсив наш. – С. С.) едва различимым образом повсюду встроены в языки цивилизованных народов: power, influence, control, pouvoir, puissance, Macht, Herrschaft, Gewalt, imperium, potestas, auctoritas, potentia, и т.д.» [Dahl, 1957, p. 201]. При этом автор склонен рассматривать столь многообразные термины в качестве взаимозаменяемых понятий: «Существует долгая и славная история (изучения) в отношении таких слов, как власть (power), влияние (influence), контроль (control) и авторитет (authority). Существует много задач, требующих проведения различия между ними... Но я прошу разрешения использовать эти термины в качестве взаимозаменяемых, когда это удобно, без отрицания или попытки отрицания того факта, что для решения многих задач оно необходимо и полезно» [Ibid., 202]. Использование указанных терминов в качестве синонимов становится характерным для школы бихевиористов в целом, на что указывал впоследствии в своих исследованиях, посвященных концептологии власти, П. Моррис.

Сопоставимый синонимический подход представлен в работе Н. Полсби «Местная власть и политическая теория» [Polsby, 1963], в которой автор интерпретирует лексические репрезентанты концепта «власть» (power, influence, control) в качестве «функциональных синонимов» (serviceable synonyms). Определенное влияние данного подхода прослеживается и в работе Т. Парсонса «О концепте политической власти» [Parsons, 1963], отсылающей к исследованиям Р. Даля в части интерпретации понятий «power» и «control» в качестве синонимов.

Возвратом к гипонимической модели интерпретации семантического поля концепта «власть» может считаться работа Д. Ронга «Власть. Ее формы, основания и применение» [Wrong, 1979], в которой автором предпринята попытка конструирования лексико-типологической карты рассматриваемого концепта. Согласно Д. Ронгу, власть (power) – это способность производить желаемый эффект, вне зависимости от физических или психологических оснований, лежащих в основе данной возможности, в то время как формы власти (power) определяются автором как сила (force), манипуляция (manipulation), убеждение (persuasion) и авторитет (authority). В методологическом плане данный подход восходит к исследованию Г. Голдхамера и Э. Шилса.

Несмотря на наличие определенных методологических различий между синонимической и гипонимической моделями ин-

терпретации семантического поля концепта «власть», указанные подходы объединяют наличие представления об определенных коммуникативных ситуациях, в рамках которых различные лексические репрезентанты концепта «власть» могут быть тождественны и взаимозаменяемы (в данном отношении весьма характерно то, что в вершине гипонимической модели Г. Голдхамера и Э. Шилса находится лексема «власть» (*power*), тогда как в аналогичной модели Д. Ронга в вершине помещена лексема «влияние» (*influence*)). Модели подобного рода были подвергнуты обстоятельной критике в работе Х. Арендт «О насилии» [Arendt, 1970], в которой автор с сожалением отметила, что существующая научная терминология «не проводит различия между такими ключевыми словами, как власть (*power*), сила (*strength*), принуждение (*force*), авторитет (*authority*) и, наконец, насилие (*violence*), каждое из которых отсылает к различным явлениям, и вряд ли бы существовало, если бы было не так... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к значению этих слов, что уже достаточно серьезно, но и выражается в слепоте по отношению к реальности, с которой данные слова соотносятся» [Ibid., p. 43].

Одной из первых работ, в которых была предпринята попытка конструирования лексико-типологической карты концепта «власть», минущей недостатки гипо- и синонимической модели интерпретации лексических составляющих его семантического поля, стала работа С. Лукса «Власть. Радикальный взгляд» [Lukes, 2005]. Следуя типологии лексических репрезентантов власти П. Бахраха и М. Бараца [Bachrach, Baratz, 1962], автор обозначил семантические поля концептов «власть» (*power*) и «влияние» (*influence*), графически продемонстрировав сферу их пересечения на соответствующей концептной карте. В сферу пересечения попали лексемы «манипуляция» (*manipulation*) и «авторитет» (*authority*), семантика которых соотносится как с отношениями власти, так и отношениями влияния, при условии наличия конфликта интересов между участниками взаимодействия. Из данной сферы выпадают лексемы «сила» (*force*), «принуждение» (*coercion*), «убеждение» (*persuasion*), «поощрение» (*encouragement*), соотносящиеся с явными формами применения власти либо влияния.

Необходимо отметить, однако, что подход С. Лукса получил поддержку не у всех исследователей проблематики концептологии

власти. В частности, в своей работе «Власть: философский анализ» [Morriß, 1987] П. Моррис последовательно противопоставляет понятия «власть» (power) и «влияние» (influence), упрекнув ранних представителей бихевиористской школы в том, что они опрометчиво смешивали в своих работах термины «власть» (power), «влияние» (influence), «контроль» (control), «принуждение» (coercion) в одну категорию. Свои аргументы в отношении рассматриваемых концептов автор приводит, ссылаясь на сферу грамматики, словообразования и семантики. Вероятно, данная работа не привлекла бы большого внимания российского читателя, если бы не последующая полемика П. Морриса с российским исследователем В.Г. Ледяевым, предложившим сравнительное прочтение семантического пространства рассматриваемых концептов в русском и английском языках.

Работа В.Г. Ледяева «Власть: концептуальный анализ» [Ледяев, 2001] позволила ярко продемонстрировать, что разница трактовки соотношения соответствующих концептов обусловлена не только разницей в методологических подходах, но и особенностями семантических пространств в рамках соответствующих естественных языков. Данная проблема была обозначена в рамках полемики автора с П. Моррисом относительно целесообразности противопоставления концептов «власть» и «влияние» – В.Г. Ледяев отметил, что «не склонен, как Моррис, противопоставлять “власть” и “влияние”. Во-первых, некоторые из приведенных выше значений “власти” – как в русском, так и в английском языках – не обязательно относятся только к диспозиции (способности), а могут обозначать и действие (“могущественное влияние”, “неодолимая сила” – в русском языке; “правление”, “контроль”, “господство” – английском языке). В обыденной речи “власть” используется и в значении “потенциал”, и для характеристики совершающегося действия. Другими словами, семантика “власти” непосредственно не отвергает концептуализацию власти как действия. Во-вторых, во многих языках, в том числе и в русском, “власть” имеет глагольную форму, при этом глагол “властвовать” не является чисто производным от существительного “власть”, как это имеет место в английском языке» [там же, с. 98–99].

Исследование В.Г. Ледяева со всей очевидностью показало методологическую уязвимость работы, построенной на анализе текстуального материала, выполненного на одном языке. Вместе с

тем на рубеже столетий появляется целый цикл работ российских авторов, посвященных анализу российского политического дискурса, в рамках которых одним из наиболее популярных с точки зрения анализа становится концепт «власть». Так, Е.И. Шейгал в своей докторской диссертации «Семиотика политического дискурса» [Шейгал, 2000] отмечает, что «к базовым концептам политического дискурса относятся концепты “Власть” и “Политик”. Содержательный минимум концепта “Власть” в русской лингвокультуре составляют компоненты “господство”, “право”, “способность”, “влияние”, “контроль”, “авторитет”» [там же, с. 9–10]. При этом «понятие власти в исследованиях политологов и социологов пересекается с такими смежными понятиями, как “сила”, “контроль”, “превосходство”, “влияние”, “принуждение”, “авторитет”, “господство”» [там же, с. 101]. Е.И. Шейгал полагает, что «термин *власть* из всех рассмотренных соотносительных терминов выступает как наиболее семантически емкий и всеобъемлющий по сравнению с остальными; термины *сила*, *контроль*, *превосходство*, *влияние*, *принуждение*, *авторитет*, *господство* являются более частными, выражаяющими логически более узкие, подчиненные понятия, обозначающими составляющие власти или ее атрибуты» [там же, с. 102].

В автореферате диссертационного исследования М.Д. Невинской «Концептуальная оппозиция “народ – власть” в политическом дискурсе» [Невинская, 2006] со ссылкой на исследование Дроздовой (2004) отмечается, что «в полевой структуре концепта “власть” выделяются две взаимозависимые концептуальные зоны: “власть-влияние” и “власть-система”… Понятийное ядро концепта “Власть” в первой из обозначенных концептуальных зон составляют различного рода властные политические отношения, имеющие имплицитные семы “право”, “влияние”, “воздействие”. В рамках второй концептуальной зоны власть трактуется как органы государственного управления, в т.ч. и лица, облеченные властью» [там же, с. 9].

Анализ упомянутой второй концептуальной зоны представлен в ключе синонимического подхода к анализу концепта «власть» в работе М.В. Кипенко [Кипенко, 2010], в рамках которой автор высказывает предположение, что «ядерными репрезентантами концепта являются лексемы “власть” и “власти”… Синонимами лексемы “власть” являются следующие фразеологизмы, слова и словосочетания: “вертикаль власти”, “этажи власти”, “кулуары”, “государство”, “государственная машина”, “президентская власть”

и др.» [Кипенко, 2010, с. 240]. При этом «структура концепта власть наиболее полно может быть представлена в виде полевой модели, включающей в себя ядро, приядерную зону и периферию. Отличительной ее чертой является перераспределение составляющих структуры концепта: расщепление понятийного компонента, смещение образного компонента в приядерную зону с появлением в ней оценочности» [Кипенко, 2012, с. 5].

Выполненный российскими авторами анализ семантического поля концепта «власть» дает основания полагать, что лексическая карта концепта «power» (в частности, представленная С. Луксом) будет существенно отличаться от аналогичной карты, построенной для русскоязычного концепта. Наиболее серьезные расхождения будут иметь место в отношении второй концептуальной зоны, позволяющей сопоставить российский концепт «власть» скорее с англоязычным «authorities», а также в части семантического поля концепта «power», выходящего в пространство отношений возможности, силы, способности и пр. Исследователи неоднократно отмечали, что можно говорить лишь о частичных пересечениях семантических полей русскоязычного концепта «власть» и англоязычного «power».

С точки зрения интерпретации лексических рядов в рамках одного языка играет важную роль фактор квазисинонимичности, который удачно охарактеризовал в отношении рассматриваемых концептов Дж. Герринг: «Могут быть обстоятельства, когда учёный обоснованно смешивает определения нескольких связанных терминов, как Даль и другие, по-видимому, делают с властью, силой, влиянием и т.д. (см.: Dahl, “Concept of Power”). Однако, как отмечали многие авторы, в обычном употреблении нет такого понятия, как чистый синоним, т.е. два слова, которые могут быть заменены друг на друга без какого-либо изменения значения или передачи смысла. Таким образом, попытка объединить значения одного или нескольких слов в одном понятии, хотя и несомненно полезна для определенных целей, всегда влечет за собой некоторую потерю общности в результирующем понятии» [Gerring, 1999, р. 377]. Работа с подобными рядами может, по всей видимости, строиться в соответствии с методом лексико-семантического анализа, который «опирается на семантические признаки, выявленные при сравнении сочетаемости квазисинонимов. Для того чтобы найти эти признаки, нужно исследовать взаимозаменимость сходных

лексем в одних и тех же контекстах и проанализировать природу наблюдаемых запретов» [Рахилина, Резникова, 2013, с. 5].

Принимая во внимание, что, начиная с упомянутой выше работы Х. Арендт, синонимический подход к интерпретации лексических репрезентантов концепта «власть» подвергается критике, представляется целесообразным обратиться к концепции «семейного сходства» (*family resemblance*), предложенной применительно к рассматриваемым концептам в работе М. Хаугаарда [Hauggaard, 2010] со ссылкой на Л. Витгенштейна: «В то время как обсуждение власти как существенно оспариваемого (*essentially contested*) концепта занимает часть дебатов, в рамках которых различные теоретики, как представляется, намеренно не воспринимают позиции друг друга, вследствие своих более или менее явных нормативных предпосылок, вероятно, более точную модель можно получить путем применения описанного Витгенштейном «семейного сходства» (*family resemblance*) концептов. Концепты, наделенные семейным сходством, не обладают единым содержанием. Они, скорее, объединяют кластер понятий, наделенных пересекающимися характеристиками... В качестве концепта, наделенного “семейным сходством”, “власть” (*power*) охватывает кластер общественных явлений, имеющих ключевое значение с точки зрения организации социального устройства» [цит. по: The SAGE Handbook of Power, 2009, р. 3–4]. При этом автор отмечает, что даже в рамках одного национального языка контекстные языковые игры позволяют говорить о множестве значений и форм употребления одного концепта.

Представляется, что текущая ситуация в исследовании концепта «власть» требует применения адекватного межязыкового подхода, который позволит преодолеть неизбежную методологическую ограниченность исследования в контексте политического дискурса одного языка. Важнейшей задачей аналитической части работы при этом является методологическая демаркация лексических и концептуальных пространств отношений власти, выявление не только эквивалентности понятий и лексем (включая не только термины, но выражения и т.п.) внутри концептуального и языкового пространств, но и эквивалентности или хотя бы приблизительного соответствия между единицами указанных пространств.

Новый подход должен, по всей видимости, содержать несколько этапов, первый из которых (наработка необходимого ти-

ологического материала) включает построение и сопоставление лексико-типологических карт для содержащихся в различных языках концептов, обладающих чертами соответствующего «семейного сходства». Значительных успехов в данном направлении удалось добиться разработчикам фреймового подхода, использовавшим наработки Московской лексико-типологической группы и Московской семантической школы [см.: Рахилина, Резникова, 2013]. Очевидно, однако, что на втором этапе после формирования подобных карт для достаточного количества языков (в соответствии с методологией рассматриваемого направления исследование должно быть проведено на максимально большом количестве, не менее 12–15 языков) потребуется неизбежный выход за рамки сугубо лингвосемиотического исследования в пространство социальной семиотики с целью выявления корреляции между единицами концептуального и языкового пространств [см. подробнее: Ильин, 1997, с. 393–397].

Предварительные выводы настоящей работы можно резюмировать следующим образом.

1. Концепт «власть» относится исследователями либо к группе «сущностно оспариваемых» (*essentially contested*) концептов [Gallie, 1955; Lukes, 2005], либо к группе концептов, обладающих чертами «семейного сходства» (*family resemblance*) [Haugaard, 2010].

2. Лексические репрезентанты концепта «власть» могут рассматриваться:

– либо в качестве составляющих гипонимического семантического поля («подчиненные понятия» [Шейгал, 2000]), с доминантой «власть» (лексико-типологическая карта [Wrong, 1979]),

– либо в качестве элементов квазисинонимического поля, т.е. самостоятельных, но пересекающихся в семантическом пространстве концептов [Haugaard, 2010] (лексико-типологическая карта [Lukes, 2005]),

– либо в качестве элементов псевдосинонимического ряда [Arendt, 1970; Morriss, 1987].

3. Перспективным направлением структурирования семантического поля концепта «власть» является фреймовый анализ, предполагающий сопоставление лексико-типологических карт для ряда (не менее 12) национальных языков. На основании полученных результатов станет возможным выявить пересечения семанти-

ческих полей, определив преимущественную лексическую зону ядра и периферии каждого концепта.

4. На завершающем, теоретико-аналитическом этапе исследования после наработки соответствующего лексико-типологического материала потребуется применение методов социальной семиотики с целью выявления корреляции между соответствующими единицами концептуального и языкового пространств [см.: Ильин, 1997, с. 393–397].

Список литературы

- Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: Российской политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 432 с.
- Кипенко М.В. Лексическая объективизация концепта «Власть» в языке газеты «Комсомольская правда» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010. – № 4(84). – С. 238–245.
- Кипенко М.В. Аксиологический аспект концепта власть в современном русском языковом сознании (на материале газетных текстов первого десятилетия XXI века): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Тольятти, 2012. – 20 с.
- Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: Российской политической энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 22 с.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – М., 2013. – № 2. – С. 3–31.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. – 440 с.
- Arendt H. On violence. – San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970. – 120 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power // American Political Science Review. – Baltimore, Md., 1962. – N 56. – P. 947–952.
- The SAGE handbook of power / S.R. Clegg, M. Haugaard (eds.). – Los Angeles, California; L.: Sage Publications, 2009. – 504 p.
- Dahl R. The concept of power // Behavioural Science. – Basel, 1957. – N 2 (3). – P. 201–215.
- Gallie W. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – Oxford, 1955. – Vol. 56. – P. 67–198.
- Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences // Polity. – Chicago, 1999. – Vol. 31, N 3. – P. 357–393.
- Goldhamer H., Shils E.A. Types of Power and Status // American Journal of Sociology. – Chicago, 1939. – N 45. – P. 171–182.

- Hauggaard M. Power: A “family resemblance” concept // European Journal of Cultural Studies. – L., 2010. – N 13 (4). – P. 1–20.
- Lukes S. Power: A radical view. – L.: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.
- Morriess P. Power: A Philosophical Analysis. – Manchester: Manchester univ. press, 1987. – 266 p.
- Morriess P. Power: A Philosophical Analysis. – 2nd ed. – Manchester: Manchester univ. press, 2002. – 320 p.
- Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society. – Philadelphia, 1963. – Vol. 107, N 3. – P. 232–262.
- Polsby N. Community Power and Political Theory. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1963. – 144 p.
- Polsby N. Community Power and Political Theory. – 2nd ed. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1980. – 320 p.
- Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford: Oxford univ. press, 1967. – 229 p.
- Wrong D.H. Power. Its Forms, Bases, and Uses. – N.Y.: Harper and Row, 1979. – 356 p.
- Wrong D.H. Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. – 3rd ed. – New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002. – 326 p.

S.V. Sannikov*

**Methodological aspects of typology of the lexical
representants of the concept of «power»
and measurement of its semantic space**

Abstract. The article analyzes modern approaches to the measurement of the semantic space of the concept of «power» in Russian and Western scientific traditions. The concept of «power» refers to the group of «essentially contested» concepts, or to the group of concepts with features of «family resemblance». As a key aspect of the study, the question of the correlation of the corresponding units of conceptual and linguistic spaces is considered.

Keywords: concept of political power; political semiotics; social semiotics; political imagology.

For citation: Sannikov S.V. Methodological aspects of typology of the lexical representants of the concept of «power» and measurement of its semantic space. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 63–75. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.03>

* Sannikov Sergey, Administration of the Governor and the Government of Novosibirsk Region; Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia), e-mail: sannikov_s@ngs.ru

References

- Arendt H. *On violence*. San Diego, California: Harcourt Publishers, 1970, 120 p.
- Bachrach P., Baratz M. The two faces of power. *American Political Science Review*. 1962, N 56, P. 947–952.
- Dahl R. The concept of power. *Behavioural Science*. 1957, N 2 (3), P. 201–215.
- Gallie W. Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1955, Vol. 56, P. 67–198.
- Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences. *Polity*. 1999, Vol. 31, N 3, P. 357–393.
- Goldhamer H., Shils, E.A. Types of Power and Status. *American Journal of Sociology*. 1939, N 45, P. 171–182.
- Haugaard M. Power: A ‘family resemblance’ concept. *European Journal of Cultural Studies*. 2010, N 13 (4), P. 1–20.
- Ilyin M.V. Words and meanings: Experience the description of official concepts. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997, 432 p. (In Russ.)
- Kipenok M.V. *Axiological aspect of the concept of power in modern languages of consciousness (on the material of newspaper texts of the first decade of the XXI century): Abstract of dissertation of the candidate of philological sciences*. Tolyatti, 2012, 20 p. (In Russ.)
- Kipenok M.V. Lexical objectivity of concept 'power' in the newspaper Komsomolskaya Pravda language. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2010, N 4 (84), P. 238–245. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *The Power: Conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Lukes S. *Power: A radical view*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.
- Morriss P. *Power: A Philosophical Analysis*. Manchester: Manchester univ. press, 1987, 266 p.
- Morriss P. *Power: A Philosophical Analysis: 2nd ed.* Manchester: Manchester univ. press, 2002, 320 p.
- Nevinskaja M.D. *Conceptual opposition «people – power» in political discourse: Abstract of dissertation of the candidate of philological sciences*. Volgograd, 2006, 22 p. (In Russ.)
- Parsons T. On the Concept of Political Power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963, Vol. 107, N 3, P. 232–262.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory*. New Haven; L.: Yale univ. press, 1963, 144 p.
- Polsby N. *Community Power and Political Theory: 2nd ed.* New Haven; L.: Yale univ. press, 1980, 320 p.
- Raxilina E., Reznikova T. Frame-based approach to lexical typology. *Topics in the study of language*. 2013, N 2, P. 3–31. (In Russ.)
- Sheigal E.I. *Semiotics of political discourse: The Dissertation of the doctor of philological sciences*. Volgograd: Volgograd state pedagogical univ., 2000, 440 p. (In Russ.)
- The SAGE handbook of power*. Ed. by S.R. Clegg, M. Haugaard. Los Angeles, California; L.: Sage Publications, 2009, 504 p.

-
- Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford: Oxford univ. press, 1967, 229 p.
- Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses*. N.Y.: Harper and Row, 1979, 356 p.
- Wrong D.H. Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author: 3rd ed. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2002, 326 p.